

Наследие ленинградского авангарда

Борис Кириков

Авангард давно признан за рубежом главным вкладом России в мировую архитектуру XX века. Именно в двадцатых годах наша страна, наряду с Германией, Францией и Голландией, стала одним из лидирующих центров, где были заложены фундаментальные основы и состоялись высшие творческие открытия разных направлений Современного движения (Modern Movement). Международный авторитет русского авангарда остается

Знаменитый и непризнанный

Ленинградский авангард остается в тени московского. Это отчасти справедливо, поскольку Москва являлась средоточием новаторских исканий. В нашем городе это движение сдерживалось силой классицистических традиций, хотя именно здесь осуществляли свои революционные эксперименты Татлин и Малевич,

А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов. Дома с полуаркой на Тракторной улице. 1925–27. В глубине – здание школы (1925–27, А. С. Никольский). Фото около 1930 г.
A. Gegello, A. Nikol'skij, G. Simonov: Wohnhaus mit Halbbogen in der Traktornaja Ulica. 1925–27. Im Hintergrund das Schulgebäude (1925–27, A. Nikol'skij). Foto um 1930.

бесспорным и незыблемым, несмотря на зигзаги постмодернизма, новейшую смену вех и переоценку ценностей.

Естественно, всемирную известность завоевали главные творцы и лидеры новой архитектуры. Прежде всего – основоположник конструктивизма В.Е. Татлин и создатель супрематизма К. С. Малевич. В когорту выдающихся мастеров XX века вошли московские зодчие: братья Веснины и М. Я. Гинзбург, Л. М. Лисицкий и Н. А. Ладовский, К. С. Мельников и И. И. Леонидов.

причем супрематизм стал важнейшим приоритетом петроградско-ленинградской архитектурной школы. Архитектура Ленинграда 1920-х – начала 1930-х годов не укладывается в рамки «чистого» конструктивизма, составляющего mainstream советского авангарда. Она занимает особое положение. Однако ее меньшая известность объясняется и другими причинами. Этот мощный и оригинальный пласт наследия недостаточно изучен и слабо популяризируется. В самом городе авангард не получил должного общественного признания.

Судьба авангарда в России вообще сложилась крайне драматично. Уже в начале 30-х годов произошел резкий поворот к освоению классического наследия, закрепленный официальными постановлениями. Новаторские течения были сломлены и стали объектом огульной критики; их обвиняли как в безыдейном формализме, так и в чрезмерном аскетизме. В период двадцатилетнего господства неоклассики («сталинского ампира») авангард оставался эстетическим и идеологическим изгоем. Следует признать, что отсталая техническая база и низкое качество работ, вынужденная упрощенность жилищного строительства и недостаток элементарных бытовых удобств содействовали самодискредитации новой архитектуры.

Полвека назад, после директивной отмены «излишеств», советская архитектура вновь повернула в русло функциональности и экономичности. Смену ориентиров красноречиво выражал лозунг «Вперед, к двадцатым годам!» Уроки конструктивизма были активно востребованы. Но победило обезличенное массовое строительство, в котором бесконечно тиражировался на сниженном схематичном уровне ограниченный набор композиционных приемов. Это неизбежно привело к профанации Современного движения. Реабилитация авангарда в глазах общества не состоялась. Запоздалый переход к постмодернизму вновь ударил рикошетом по репутации авангарда. Не мог упрочить ее и период «перестройки», сопровождавшийся негативной переоценкой всей социалистической эпохи.

На невских берегах, в городе великих классических традиций, неприятие авангарда было особенно заметным. Приверженность классике глубоко укоренилось в петербургско-ленинградском менталитете. Все, что не укладывалось в идеализированную модель стилистически единого города-ансамбля, долгое время считалось чужеродным. Только с 1970-х годов началось осознание ценности многоликой и многослойной городской среды. Но и это лишь укрепило апологию Старого Петербурга – в противовес новому Ленинграду. Авангард в Петербурге значительно уступает в популярности не только золотому веку барокко и классицизма, но и периодам историзма и модерна. Хронологические рамки исторической застройки у нас по-прежнему ограничены 1917-м годом. За исключением узкого профессионального круга петербуржцы не воспринимают новаторские течения 1920–30-х годов как важнейший пласт нашего культурного наследия, имеющий исключительную ценность.

В последнее время московский авангард полностью восстановлен в правах и подробнейшим образом исследован благодаря работам группы авторов, среди которых выделяются титанические труды С. О. Хан-Магомедова. В почете конструктивистская архитектура Свердловска (Екатеринбурга) и некоторых других городов. В отношении Петербурга пока можно говорить о разрозненных усилиях ряда специалистов. Между тем, ленинградское наследие все больше привлекает внимание зарубежных коллег. Это в очередной раз продемонстрировал осенью 2008 года VIII российско-германский форум «Петербургский диалог», в программу которого была включена

*А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский. Дворец культуры имени А. М. Горького. 1925–27. Фото 2008 г.
A. Gegello, D. Kričevskij: Kulturhaus „Gorkij“. 1925–27. Foto 2008.*

*А. С. Никольский, Л. М. Хидекель. Стадион «Красный Спортинтернационал». 1927–28. Фото 1933 г.
A. Nikol'skij, L. Chidekel': Stadion „Rote Sportinternationale“. 1927–28. Foto 1933.*

*Г. А. Симонов. Школа на улице Ткачей. 1927–29. Фото 1933 г.
G. Simonov: Schule in der Ulica Tkačej. 1927–29. Foto 1933.*

«Неделя авангарда» – что показательно, по инициативе немецкой стороны.

А. К. Барутчев, И. А. Гильтер, И. А. Меерзон, Я. О. Рубанчик. Универмаг и фабрика-кухня Кировского района. 1929–31. Фото 1937 г.

A. Barutčev, I. Gil'ter, I. Meerzon, J. Rubančik: Kaufhaus und Fabrikküche des Kirovskij Rayons, 1929–31. Foto 1937.

Течения и мастера

Одним из символов архитектуры XX века стал дерзновенный проект Памятника (Башни) III Интернационала, созданный в 1919–1920 годах В. Е. Татлиным. Этот радикальный манифест конструктивизма как-то не ассоциируется с нашим городом. Между тем, модель Башни была выполнена в Петрограде, где в те годы работал Татлин, правда, недолгое время.

С 1922 года в Петрограде обосновалась группа К. С. Малевича. Здесь реализовался выход супрематизма в объемные структуры и затем в архитектуру. Создавались архитекторы и планы, велся поиск новых гармонических закономерностей геометризованных форм («супрематический ордер»). Особую роль в преобразовании супрематической системы в сферу архитектурного проектирования сыграл совсем молодой сподвижник Малевича Л. М. Хидекель.

На рубеже 20-х годов начал работать над проблемами новой формы А. С. Никольский. Учитывая опыты московских коллег и отталкиваясь от приемов кубизма, он выстраивал пространственные соотношения простых геометрических частей и элементов. Вскоре архитектор сблизился с супрематизмом. В 1923 году он организовал творческую мастерскую из молодых архитекторов, объединенных духом поиска.

В Петрограде-Ленинграде все эти форматворческие новации замыкались до середины 1920-х годов в области экспериментального проектирования. Реальная практика – и конкурсные работы, и немногочисленные сооружения – укладывались в рамки неоклассики или, реже,

иных ретростилей. 1917-й год, проложивший глубинный разлом в истории страны, не прервал единого цикла развития неоклассицизма, зародившегося в 1900-е годы и взявшего на себя миссию «петербургского возрождения». Революционные перемены в корне изменили социальное и идейное содержание архитектуры, но не поколебали на первых порах приверженности большинства архитекторов старо-петербургским традициям. Идея преемственной эволюции города на основе классического наследия напрямую сочеталась с представлением об абсолютном, внеисторическом значении классики, способной к самообновлению и воплощению современных задач. Отсюда – разработанные И. А. Фоминым концепции «красной дорики», а затем «пролетарской классики», основанные на отборе, упрощении и трансформации ордерных форм. Петроградская неоклассика, овеянная революционной романтикой и вбравшая импульсы от новейших течений, отличалась повышенной монументальностью и экспрессией, обобщенным лаконизмом крупных форм и героическим звучанием. Эти качества особенно ярко проявились в проектах И. А. Фомина и Н. А. Троцкого. С редкой образной силой интерпретировал образы средневековья А. Е. Белогруд.

Тем временем в Москве шло форсированное становление и самоопределение новаторских направлений. Эстетический рационализм (группа АСНОВА) исходил из решения пространственных задач и выверенного – путем анализа психофизиологии восприятия – построения формы. Конструктивизм, или функциональный метод (группа ОСА), родственной европейскому функционализму, ставил на первый план тщательную разработку

функциональных процессов с выявлением соответствующих зон и конструктивной основы. Жизнестроительный вектор и социальная направленность конструктивизма предопределили его действенность, продуктивность и широчайшее распространение. Не случайно конструктивизм часто выступал синонимом советского авангарда.

В Ленинграде общий поворот к новым течениям наметился в 1925 году. Этот момент совпал с проведением крупных конкурсов и началом активного строительства новых типов зданий. На творческую перестройку, несомненно, повлияли и европейская (главным образом, немецкая), и московская архитектура; внутренним источником послужили открытия супрематизма, с одной стороны, и рационалистические традиции, с другой. Но этот перелом не был бескомпромиссным, в постройках 20-х годов отчетливо сквозили классицистические реминисценции. Московские коллеги имели основания говорить про «давно известную ленинградскую оппозицию современной архитектуре» (И. Н. Соболев), которая заключается, впрочем, «вовсе не в отрицании новых принципов, а скорее в осторожном к ним подходе, но, однако, не без воспоминаний о “добром старом времени”» (Н. В. Марковников). Между тем, авангардные средства выразительности входили в репертуар опытных, состоявшихся мастеров. Одним из первых обратился к ним В. А. Щуко. Ленинградские зодчие С. С. Серафимов, А. И. Дмитриев и другие сформировали градообразующий конструктивистский ансамбль Харькова. Ключевую позицию в ленинградском контексте заняла фабрика «Красное Знамя», спроектированная в 1925–1926 годах выдающимся немецким архитектором Эрихом Мендельсоном. В этом комплексе сплавлены принципы функционализма и экспрессионизма. Черты экспрессионизма особенно сильны в динамичной композиции силовой станции с закругленными объемами башни. Произведение Мендельсона наложило глубокий отпечаток на развитие ленинградской архитектуры. К 1927 году авангард одержал решительную победу. Главным авторитетом, харизматическим лидером модернистского крыла выступал А. С. Никольский. Он был связан с московским ОСА, но не разделял ортодоксальности конструктивизма и основное внимание уделял разработке супрематических принципов. «Критерием функционального метода» для него служила «эстетическая оценка», которая, в свою очередь, проверялась «рациональным мышлением». Такой подход позволил Никольскому и сотрудникам его мастерской органично воссоединить две полемизировавшие концепции в «супрематическом конструктивизме».

Видным представителем ленинградского авангарда был А. И. Гегелло, который работал обычно в дуэте с Д. Л. Кричевским. В их постройках 1925–1927 годов прослеживается связь с упрощенной неоклассикой и мотивами экспрессионизма (как и у Никольского), но затем выкристаллизовываются конструктивистские приемы. Выразительные и оригинальные произведения принадлежат Г. А. Симонову, но ему выпала также прозаическая роль строителя утилитарных жилмассивов. Строго рациональной версии придерживались А. А. Оль и Л. В. Руднев. Едва ли не самые законченные и отточенные образ-

Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Жилой дом Ленсовета. Фото 1934 г.

E. Levinson, I. Fomin: Wohnhaus des Leningrader Stadtrats (Lensovets). Foto 1934.

цы ленинградского авангарда представляют районные фабрики-кухни, созданные молодыми архитекторами А. К. Барутчевым, И. А. Гильтером, И. А. Меерзоном и Я. О. Рубанчиком. Эта четверка составляла местную группу АРУ – наследницы АСНОВА.

На поздней стадии новаторской архитектуры Ленинграда начала 1930-х годов самой яркой фигурой стал Н. А. Троцкий. Он вносил в функциональные структуры сильный оттенок экспрессионизма (не без влияния Э. Мендельсона), наделяя их монументальной силой и эмоциональным звучанием. Тогда же на первый план выдвинулись Е. А. Левинсон – самый артистичный зодчий той поры – и часто работавший с ним И. И. Фомин. Эти мастера также стремились к подчеркнутой экспрессии и, кроме того, приблизились к стилистике ар нуво. В тот же круг входил и И. Г. Явейн.

Ленинградскую архитектурную школу принято считать по сравнению с московской более умеренной и компромиссной. Это во многом справедливо, учитывая классицистический акцент ее языка, особенно ощутимый в переходных фазах. Не менее существенную особенность составляла стойкая тяга к экспрессионизму. Отсюда – пристрастие к криволинейным объемам, весомая пластика, контрасты горизонталей и вертикалей.

А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский. Дворец культуры имени И. И. Газа. 1931–35. Фото 2005 г.

A. Gegello, D. Kričevskij: Kulturpalast „I. I. Gaza“ 1931–35. Foto 2005.

Супрематизм обеспечивал острую новизну композиционных решений: сдвиги и всечения геометрических объемов и чистых плоскостей, контрасты белого и черного, иллюзию парящих над землей этажей. В самом конструктивизме, вопреки постулату функционалистов «что хорошо функционирует, то хорошо и выглядит», ленинградские мастера стремились к выразительной образности. Таким образом, региональное своеобразие ленинградского авангарда, независимо от стилевых предпочтений, определялось повышенным вниманием к художественной форме (разумеется, речь идет не об утилитарном экономичном строительстве). Показателем феномена художника-архитектора и теоретика Я. Г. Чернихова. В его блестящих архитектурных фантазиях, утверждающих самоценность образной стороны проектирования, всесторонне раскрыт огромный формообразующий потенциал всего спектра авангарда.

Авангард оказался мимолетным явлением – после 1932 года он был предан остракизму. Здания, которые достраивались по конструктивистским проектам, вынужденно принимали «покровительственную окраску», обогащаясь классицистическими элементами. На короткой временной дистанции постконструктивизм сменился новыми вариациями возрожденной неоклассики. И если для принципиальных поборников авангарда этот безальтернативный путь означал творческую трагедию, то для многих ленинградских архитекторов оказался

естественным возвращением к недавнему прошлому. Ленинградский авангард явно недооценен. Это сложное и неоднозначное явление широкого диапазона. Его региональные варианты не всегда совпадали с магистральными линиями новой архитектуры. Эти особенности не следует рассматривать критически, как некий паллиатив; они определяют специфику ленинградской школы и обогащают общую картину Современного движения в русской и мировой архитектуре. Причем «нечистые», гибридные модификации стиля (от Тракторной улицы до Фрунзенского универмага) также представляет высокий интерес, тем более при ретроспективном взгляде сквозь призму постмодернизма. Можно сказать, что в модернизированной неоклассике 1930-х годов содержались многие находки, предвосхищавшие постмодернистские приемы.

Проблемы охраны

Памятники архитектуры становятся памятниками не когда создаются, а лишь когда осознаются в этом качестве. Из-за негативного отношения к авангарду его здания долгие десятилетия не включались в списки охраняемых объектов. К тому же малый промежуток времени еще не позволял осмыслить недавнее прошлое как полноценную часть историко-культурного наследия. Впервые весьма немногочисленная группа зданий советского периода была поставлена под государственную охрану в 1970 году. В том числе – ансамбль общественных зданий у площади Стачек и Тракторная улица, жилой дом Ленсовета на Карповке и «Большой дом» (здание НКВД-КГБ), а также две пожарные части. В основном, это были бесспорные, выдающиеся памятники, созданные крупнейшими ленинградскими зодчими. Но чести охранного статуса тогда не удостоились ни дворцы культуры (кроме носящего имя А. М. Горького), ни бани Никольского, ни фабрика «Красное Знамя», ни другие значимые сооружения. Была резко отвергнута кандидатура Дома-коммуны политкаторжан (маститые историки называли его «архитектурным уродством»). Столь фрагментарное представление авангарда в списках памятников объяснялось и малой изученностью, и инерцией неприятия по вкусовым мотивам. Но был здесь и явный оттенок парадокса: Ведь эпоха социалистического строительства в то время всемерно возвеличивалась и пропагандировалась.

Состав охраняемых объектов удалось значительно пополнить на рубеже 80-х и 90-х годов. Заслуженный ранг памятников получили Силовая станция фабрики «Красное Знамя», Дворец культуры им. С. М. Кирова, фабрика-кухня Выборгского района, Круглая баня и другие. Но пробелов оставалось значительно больше. Ситуацию удалось во многом выправить за счет так называемых выявленных объектов – кандидатов в памятники, имеющих временный охранный статус. Ныне действующий перечень таких объектов, утвержденный в феврале 2001 года, составлялся под руководством автора этих строк (возглавлявшего соответствующее управление КГИОП – Комитета по охране памятников Администрации Санкт-

Петербурга). Нами двигал не особый пиетет к авангарду, а желание адекватно отобразить в официальных списках все значимые пласты наследия. В результате, общее число охраняемых объектов того периода выросло почти до 80, что было, конечно большим шагом вперед (всего в городе насчитывается порядка 200 зданий и комплексов, связанных с авангардом). Самые интересные объекты уже в 2001 году предполагалось перевести в памятники, но по разным причинам сделать этого не удалось. И в низшей, по сути, временной категории культурного наследия застряли выдающиеся сооружения, достойные лучшей участи, – Мясокомбинат Н. А. Троцкого и хлебозаводы инженера Г. П. Марсакова, Московский райсовет И. И. Фомина и Дом культуры им. Ильича Н. Ф. Демкова, Дом политкаторжан и школа на улице Ткачей Г. А. Симонова, жилой дом Свирьстрова И. Г. Явейна и другие.

Однако главная проблема — не в том. Никакой охраняемый статус сам по себе не является панацеей. Авангард — все еще наименее признанная в городе часть наследия, а потому — самая незащищенная. Некоторые здания были недавно снесены, в том числе уникальный технологический эксперимент «Тахитектон» на Крестовском острове. Ряд построек грубо искажен — школы на улицах Ткачей и Политехнической, Дом технической учебы на площади Стачек, павильоны стадиона «Динамо». Многие объекты находятся в запущенном состоянии, среди них Мясокомбинат, Ушаковские бани, «Башня Чернихова». Инвесторы и собственники, чиновники и население часто не понимают ценности памятников новаторской архитектуры. Отношение к ним менее трепетное, чем к историческим стилям. Скромнее выделяются средства на их ремонт и реставрацию. Поэтому специалистам, «охранникам», заинтересованной общественности в союзе с прессой необходимо вести более активную разъяснительную работу, отстаивая необходимость бережного отношения к наследию авангарда.

Boris Kirikov: Das Erbe der Leningrader Avantgarde

Der Artikel gibt einen Überblick über die Architekturgeschichte und stilistischen Besonderheiten der Leningrader Avantgarde, über die allmähliche Anerkennung ihrer Bauwerke als Denkmal und über Probleme der Konservierung.

Anfang der 1920er Jahre arbeiteten Vordenker der Avantgarde wie V. Tatlin und K. Malewitsch in Leningrad. Ab 1925 setzte sich die Moderne auch im realen Baugeschehen Leningrads durch. Als Vorreiter erwies sich Aleksander Nikol'skij; andere wichtige Vertreter waren das Team A. Geggello/D. Kričevskij, der Wohnungsbauarchitekt G. Simonov sowie die Autoren der Fabrikküchen und Mitglieder der Rationalistengruppe ARU A. Barutčev, I. Gil'ter, I. Meerson und Ja. Rubančik. Anfang der 30er Jahre schließlich setzte sich ein expressiver Postkonstruktivismus durch, angeführt von den Architekten E. Levinson und N. Troztkij. Im Ausland gilt die sowjetische Avantgarde vielen Experten als

О. Л. Лялин, Я. О. Свирский. Ресторан стадиона «Динамо». Фото 1935 г.

*O. Ljaljin, J. Svirskij: Restaurant des Stadions „Dynamo“.
Foto 1935.*

О. Л. Лялин, Я. О. Свирский. Ресторан стадиона «Динамо». Фото 2008 г.

*O. Ljaljin, J. Svirskij: Restaurant des Stadions „Dynamo“.
Foto 2008.*

Russlands wertvollster Beitrag zur Architekturgeschichte des 20. Jahrhunderts. Dagegen hat in Russland nach der Diskreditierung der Moderne unter Stalin bis heute keine wirkliche Rehabilitierung stattgefunden. Die Leningrader Avantgardearchitektur ist noch weniger erforscht und anerkannt als die Moskauer. Sie gilt eher als gemäßigt und kompromissreich. Andererseits repräsentiert die Leningrader Schule, die durch den Suprematismus und die rationalen Architekturtraditionen der Stadt sowie durch Mendelsohns Expressionismus geprägt wurde, eine wichtige Facette des Neuen Bauens und bereichert unser Gesamtbild.

In Leningrad wurde eine kleine Gruppe von Avantgardebauten erstmals 1970 in die Denkmalliste aufgenommen. Weitere folgten Ende der 1980er bzw. Anfang der 1990er Jahre. Doch 2001 stieg die Anzahl der konstruktivistischen Denkmale in Leningrad merklich an, auf fast 80 Objekte. Allerdings befinden sich die meisten Avantgardedenkmale nur in der Kategorie der „neu erfassten Objekte“ (Denkmalverdachtsobjekte), obwohl sie eigentlich einen höheren Status verdienen. Das Hauptproblem bei der Erhaltung und Pflege von Denkmälern der Avantgarde ist jedoch nicht der niedrige Schutzstatus, sondern die geringe Wertschätzung, die die Öffentlichkeit, Politiker, Investoren und Beamte dem Erbe der Avantgarde entgegen bringen. Hier ist Aufklärungsarbeit notwendig.